

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ И ИХ ТИПЫ*

0. Если фонетическая система удмуртского языка отличается исключительной способностью варьировать от диалекта к диалекту, так что практически трудно найти слова, фонетический состав которых идентичен во всех диалектах¹, удмуртская диалектная морфология на всей территории распространения и функционирования характеризуется относительным единством. Это означает, что морфологические диалектные различия касаются не только сущности и состава грамматических категорий (хотя и этого нельзя полностью снимать со счетов, см. 1.1, 1.2 и др.), сколько формы выражения отдельных грамматических значений или категорий, а также набора грамматических значений, закрепленных за некоторыми грамматическими формами. Все многообразие морфологических различительных признаков удмуртских диалектов можно свести к нескольким типам.

1.1. Различия в наборе грамматических категорий или лексико-грамматических групп

В отдельных периферийно-южных говорах и диалектах северного наречия сохранились следы субстантивного лексико-грамматического разряда лица / нелица, и противопоставление членов, составляющих данный разряд, осуществляется двумя способами (см. подробнее: Кельмаков 1995):

а) в периферийно-южных говорах — при помощи вопросительных слов: в кукморском говоре, как было выявлено еще в конце 60-х годов, на вопрос *kin̄ ~ kin?* 'кто?' «отвечают преимущественно имена существительные, обозначающие людей» (кукм. *ad'ami ~ äd'ämi* 'человек', *nāl* 'девочка, девушка; дочь', *dâšetiš* 'учитель' и др.), а на вопрос *ma ~ mar?* — «все остальные имена существительные, т.е. все неодушевленные» (кукм. *vu* 'вода', *piž* 'мука', *tô* 'озеро', *turâm* 'трава; сено', *korka* 'дом', *kâržan* 'песня' и др.), «а из одушевленных (с

* Существенно переработанный и расширенный вариант доклада, лишь тезисно представленного на международную научную конференцию МГУ (см. Перспективные направления развития в современном финно-угроведении. Тезисы международной научной конференции (Москва, 18—19 ноября 1997 года), Москва 1997, с. 141—143). Отдельные положения статьи см. Kelfmakov, Saarinen 1994 : 90—95.

¹ Некоторое представление об этом могут дать, в частности, теоретическое введение в удмуртскую диалектную фонетику и корпус диалектных текстов в книге: Kelfmakov, Saarinen 1994 : 90—95.

позиций русского языка) те, которые обозначают животных, рыб, птиц, насекомых и т.д.» (кукм. *žičč* 'лиса', *pžnž* 'собака', *čoržk* 'рыба', *šapa* 'галка', *kžj* 'змея', *bugžli* 'бабочка' и др.) (Кельмаков 1969а : 255). Несколько позднее аналогичное явление обнаружил Р. Ш. Насибуллин в буйско-таныпском (1973 : 16) и красноуфимском (1978 : 96) говорах;

б) в отдельных северных диалектах и бесермянском наречии — с помощью системы склонения: имена существительные-лица (а также отдельные местоимения, указывающие на лица) могут склоняться по вторичным пространственным падежам на *ń*: нч. *адями-не* 'к человеку', *калык-не* 'к людям' (Тепляшина 1970б : 167); глаз. *адями-не* 'к человеку', *монь-ня-м* 'ко мне', *тонь-ня-д* 'к тебе', *аиз-не* 'к отцу' (Лыткин, Тепляшина 1959 : 224); сев. *старовер-нын* 'у старовера', *старовер-ныньсь* 'от старовера', *старовер-не* 'к староверу' и др. (Вахрушев 1959 : 236); сч. *nžlžd-ńe* 'к твоей дочери', *pįez-ńžš* 'от его сына', *og-ogmž-ńe* 'друг к другу', *solenez-ńe* 'к его (ее)', *tajiz-ńe* 'к этому', *kįń-ńžn* 'у кого'; *učitel'ńicca-ńe tžnžd vetlono* 'к учительнице тебе нужно сходить', *babuš-ńžn kal' studen'nos ulo* 'у бабушки сейчас студенты живут', *a'ańžš kalžk ug du-gdž potamžš* 'из [дома] тети народ не перестает выходить', *Ava-ńžšen ačimes tod-motškim* 'в [доме] Августы мы с тобой познакомились' (Карпова 1997 : 85—86, 92); бес. *brate-ńe* 'к брату', *pįal'los-ńe* 'к детям', *mi-ńe* 'к нам', *ti-ńe* 'к вам', *soos-ńe* 'к ним' (Тепляшина 1970а : 169, 184) и др.², чего лишены имена существительные-нелица.

Такой тип морфологических различий не имеет широкого распространения в удмуртских диалектах.

1.2. Различия в списке членов (форм), составляющих ту или иную грамматическую категорию

1.2.1. Категория падежа характерна для всех удмуртских диалектов, в современном удмуртском литературном языке насчитывают 15 падежей, отличающихся друг от друга весьма широким диапазоном употребляемости в устной и письменной речи. Однако количество членов, составляющих данную грамматическую категорию в удмуртском диалектном языке, варьирует от 12—13 (отдельные южные и периферийно-южные говоры³) до 20—21 (некоторые северные диалекты и бесермянское наречие⁴) (Тепляшина 1981 : 285—286; Карпова 1997 : 85 и др.).

1.2.2. Традиционно считается, что категория наклонения складывается из

² Приведенные В. И. Лыткиным и Т. И. Тепляшиной примеры на употребление *ń*-овых падежей с именами существительными-нелицами в глазовском диалекте (*кеч-не* 'к зайцу' (Лыткин, Тепляшина 1959 : 224)), в нижнечепецком говоре (*школа-не* 'к школе' (Тепляшина 1970б : 167)) и бесермянском наречии (*луд-ńe* 'к полю, около поля' (Тепляшина 1970а : 170)) представляют собой или случаи позднего расширения сферы употребления рассматриваемых падежных формантов, или результат неточной записи либо незакономерной авторской экстраполяции их на те основы, с которыми эти морфемы в живой речи не сочетаются).

³ Так, в кукморском и кырыкмасских говорах насчитывается 13 падежей (Кельмаков 1969а : 268; 1977 : 42), практически столько же в среднеюжном диалекте (Архипов 1978 : 16 и далее), в красноуфимском говоре — 12 (Насибуллин 1978 : 96—97) и т.д.

⁴ Т. И. Тепляшина (1970а : 169) почему-то приводит лишь «один внешне-местный падеж — приблизительный с элементом *-ń* вместо удмуртской послеложной конструкции, например: *ad'atině* вм. удм. лит. *адями дїне, адями доры* 'к человеку' ...», хотя Ю. Вихманн еще в прошлом веке зафиксировал пример с формой инессива притяжательного склонения из данной серии внешнеместных падежей: *so tįřšen ta purted ule moń-ńa-m* 'с той поры этот твой нож находится у меня' (Wichmann 1901 : 166).

трех соотносительных форм: изъявительного, повелительного и условного наклонений. Тем не менее во многих диалектах имеется и четвертое наклонение, желательное, формы которого представляют собой сочетание форм будущего времени основного глагола с частицей *med* (*met*) 'пусть', которая в утвердительном аспекте употребляется в неспрягаемой форме во всех диалектах, а в отрицательном аспекте ведет себя двойко: в южных диалектах изменяется по лицам (*med-am* ~ *mej-am* ~ *mij-am* 'я пусть не, мы пусть не', *med-ad* ~ *mej-ad* ~ *mij-ad* 'ты пусть не, вы пусть не' и т.д.), в северных же — нет (Карпова 1990б : 71; 1997 : 136). Поскольку это наклонение еще не стало объектом специального исследования удмуртских диалектологов, нелишне привести еще один — кукморский — вариант его полной парадигмы (полную парадигму говора д. Муважи Алнашского района Удмуртской Республики см.: Kelmakov, Saarinen 1994 : 127—128; парадигму, характерную для одного из северных диалектов, см.: Карпова 1997 : 135—136):

Утвердительное спряжение

Единственное число

1 л. <i>met</i> (< <i>med</i>) <i>səl-o-m</i>	'пусть я постою, чтобы я стоял'
2 л. <i>met səl-o-d</i>	'пусть ты постоишь, чтобы ты стоял'
3 л. <i>met səl-o-z</i>	'пусть он постоит, чтобы он стоял'

Множественное число

1 л. <i>met səl-o-mə</i>	'пусть мы постоим, чтобы мы стояли'
2 л. <i>met səl-o-də</i>	'пусть вы постоите, чтобы вы стояли'
3 л. <i>met səl-o-zə</i>	'пусть они постоят, чтобы они стояли'

Отрицательное спряжение

Единственное число

1 л. <i>mij-am</i> (< <i>med-am</i>) <i>səl</i>	'пусть я не постою, чтобы я не стоял'
2 л. <i>mij-at</i> (< <i>med-ad</i>) <i>səl</i>	'пусть ты не постоишь, чтобы ты не стоял'
3 л. <i>mij-as</i> (< <i>med-as</i>) <i>səl</i>	'пусть он не постоит, чтобы он не стоял'

Множественное число

1 л. <i>mij-am səl-e(-le)</i>	'пусть мы не постоим, чтобы мы не стояли'
2 л. <i>mij-at səl-e(-le)</i>	'пусть вы не постоите, чтобы вы не стояли'
3 л. <i>mij-as səl-e(-le)</i>	'пусть они не постоят, чтобы они не стояли'

1.3. При наличии в языке набора морфем, служащих для выражения одного и того же грамматического значения и находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции или синонимии, диалекты могут различаться или составом этих суффиксов, или несколько иным распределением их по классам основ.

1.3.1. В удмуртском литературном языке и части диалектов для выражения неполноты качества (признака) служат суффиксы *-ales*, *-mjt* и *pjr(jem)*; причем, *-ales* имеет относительно широкое употребление с основами, обозначающими как вкусовые свойства предметов, так и цветовые признаки (удм. лит. *курут-алэс* 'горьковатый', *лыз-алэс* 'синеватый'); *-mjt* присоединяется, как правило, к основам, обозначающим цветовые признаки (удм. лит. *горд-мыт*

'красноватый'); *-p̄r̄j̄* (*-p̄r̄j̄jet*) относительно позднего происхождения⁵, проникший в литературный язык из южного диалектного ареала, может употребляться как с теми, так и с другими основами, но имеет сравнительно небольшую территорию распространения в диалектах, меньшую частотность и стилистический оттенок диалектности в литературном языке.

Однако такое соотношение в функционировании трех названных суффиксов характерно не для всех диалектов. В отдельных же южных говорах — в частности, кырымасских — употребительны лишь суффиксы *-p̄r̄(jet)* и *-ales* (кркм. *л̄з-п̄р̄ ~ л̄з-ал̄с* 'синеватый', *во-ж-п̄р̄й̄эм* 'зеленоватый', *л̄з-п̄р̄-с̄өд* 'иссиня-черный, синевато-черный', *с̄өд-ал̄с* 'черноватый' и др.); морфема *-m̄t̄* в указанной функции не обнаружена (Кельмаков 1977 : 460). В кукморском говоре *-p̄r̄j̄* (*-p̄r̄j̄jet*) является единственным в этой функции и поэтому имеет высокую частотность, употребляясь с семантическими группами имен прилагательных, выражающих а) цветовые признаки (*go-rt-p̄r̄j̄* 'красноватый', *l̄s-z-p̄r̄j̄* 'синеватый', *z̄änḡüri-p̄r̄j̄* 'голубоватый', *gol-k̄t̄-p̄r̄j̄* 'розоватый', *luḡt̄-p̄r̄j̄* 'светловатый', *lu-t-p̄r̄j̄* 'сероватый', *śot-p̄r̄j̄jet* 'чуть черноватый'); б) вкусовые качества (*kuś̄t̄-p̄r̄j̄* 'солоневатый', *česk̄t̄-p̄r̄j̄* 'сладковатый', *č̄s-rs-p̄r̄j̄* 'кисловатый', *k̄o-š̄-p̄r̄j̄* 'горьковатый' (напр. о полыни), *śo-k-p̄r̄j̄* 'пресноватый, слегка недосоленый', *kupa-m-p̄r̄j̄* 'слегка пригорклый, пригоркловатый' (напр., о масле)); в) некоторые физические (температурные и пр.) свойства предметов, воспринимаемые осязанием (*keś̄t̄-p̄r̄j̄* 'холодноватый', *čur̄t̄-p̄r̄j̄* 'твердоватый', *k̄o-s-p̄r̄j̄* 'суховатый', *nu-r-p̄r̄j̄* 'чуть влажный', *śun̄t̄-p̄r̄j̄* 'чуть теплый', *neb̄t̄-p̄r̄j̄* 'чуть мягкий'); г) психические свойства людей (*m̄ozm̄t̄-p̄r̄j̄* 'скучивоватый', *do-š̄-p̄r̄j̄* 'грустноватый') (Кельмаков 1969б : 137); *-m̄t̄* и *-ales* в указанной функции в говоре отсутствуют. В нижнечепецком диалекте «широко распространены формообразовательный суффикс *-myt̄*» (*кедьы-мыт̄* 'светловатый, бледноватый', *гөрд-мыт̄* 'красноватый', *сьөд-мыт̄* 'темноватый', *бусыр-мыт̄ лыз* 'фиолетовый', *гөрд-мыт̄ чуж* 'оранжевый'), суффикс *-ales* непродуктивен (Тепляшина 1970б : 168—169), а морфема *-p̄r̄j̄*, по-видимому, вообще не встречается. В соседнем среднечепецком диалекте всеобщее распространение и широкий спектр употребляемости получил суффикс *-ales* (*č̄ars-ales* 'кисловатый', *kur̄t̄-ales* 'горьковатый', *pur̄j̄s-ales* 'сероватый', *šubeg-ales* 'узенький, узковатый'), *-p̄r̄j̄* встречается реже, лишь в сочетании с основами, выражающими цветовые признаки предметов (*ču-š̄-p̄r̄j̄* 'желтоватый', *l̄s-s-p̄r̄j̄* 'синеватый' и др.), а морфема *-m̄t̄* не зафиксирована вообще (Карпова 1997 : 112).

1.3.2. Из двух суффиксов многократного вида (*-l̄j̄* и *-l̄'a*) в литературном языке и большинстве диалектов *-l̄j̄* употребляется с глаголами I спряжения (удм. лит. *лыз̄зы-лы-ны* 'читать (неоднократно)', *кошкы-лы-ны* 'уходить, уезжать (не один раз)'), *-l̄'a* — с глаголами II спряжения (удм. лит. *кора-ля-ны* 'рубить (неоднократно)', *кыр̄за-ля-ны* 'петь (многократно)' и т.д.). Однако не для всех диалектов характерно подобное распределение функций — в некоторых южноудмуртских говорах сфера употребления *-l̄j̄* значительно расширилась за счет перехода его и на глаголы II спряжения: кукм. *soje t̄өпт̄ vera-l-i-z̄ө* (вместе ожидаемого *vera-l̄'a--z̄ө*) 'они об этом говорили мне не раз', *soosl̄ө noš̄ ūstasa ož̄ө tiñ k̄or̄ž̄a-l-i-m̄ө* (вместо *k̄or̄ž̄a-l̄'a--m̄ө*) 'для них вдобавок мы вот как пели (неоднократно)', кркм. *вс̄' к̄р̄ž̄а-л-ис̄код* (вместо *к̄р̄ž̄а-л̄'а-с̄код*) 'постоянно поешь, поешь многократно' (Кельмаков 1969а : 402; 1977 : 49).

⁵ Предположительно восходит к самостоятельному слову — послелогу *p̄r̄j̄* (кукм. *p̄r̄j̄*) 'через, сквозь' (подробнее: Кельмаков 1969б : 138).

1.4. Весьма распространенный тип диалектных различий в морфологии — выражение определенного грамматического значения в разных диалектах с помощью различных грамматических средств.

1.4.1. Морфологические средства; причем морфемы, служащие для выражения одного и того же грамматического значения и посредством которых осуществляется дифференциация удмуртских диалектов на грамматическом уровне, не совсем однородны.

1.4.1.1. Оппозиция одних диалектных морфем поддерживается не только различием их происхождения, но и несовпадением фонетического состава в современном языке.

1.4.1.1.1. Один из ярких дифференциальных признаков северной и южной диалектных зон — выражение аккумулятива множественного числа существительных и некоторых местоимений с помощью различающихся как в синхронии, так и диахроническом аспекте морфем *-tj/-tđ*, *-dj/-dđ* (сев., бес. и часть сред.) // *-jz/-đz* (южная группа сред. и южн.):

а) северная диалектная зона: нч. *-tj* (*кэды жёкиэт вичак кэсэйос-ты шобыртиз* (лымы) 'белая скатерть все поле покрыла (снег)' (Тепляшина 1970б : 196)); глаз. *-tđ* (*ъжъёс-тъ овецъ, ньльёс-тъ девушекъ*) (Лыткин, Тепляшина 1959 : 224)); сч. *-tđ/-tj* (*šurjos-tđ* 'реки', *at'aos-tđ* 'старших сестер; тетъ', *vall'os-tđ* 'лошадей', *parspios-tj* 'поросят' (Карпова 1997 : 90, 91)); дёб. *-tj* (*эшйос-ты друзей', возйос-ты луга'* (Карпова 1990б : 67)); вч. *tj*, *-dj* (*кызйос-ты ели', калыкйос-ты людей', милэм-ды* (Алашеева 1982 : 92)); св. *-tj* (*korka,as-tj* 'дома', *vuko,os-tj* 'мельницы', *gurtjos-tj* 'деревни' (Бушмакин 1969 : 61)); клм. *-tj* (*valjos-tj* 'лошадей', *korkaas-tj* 'дома', *ad'amios-tj* 'людей' (Загуляева 1980 : 105)); бес. *-tə* (*soos-tə* 'их', *kii'nos-tə ke* 'кого-то' (Тепляшина 1970а : 184, 206));

б) южная диалектная зона: кркм. *-đz* (*милэм-ъз 'нас', тилэд-ъз 'вас'* (Кельмаков 1977 : 42, 47)); сю. *-jz* (*гуртйос-ыз (гурйос-ыз) 'деревни', искалйос-ыз (искал'лос-ыз) 'коров', нил'лос-ыз 'девочек / девушек'* (Архипов 1978 : 17; 1981 : 9)); грах. *-jz* (*ас'эм-ыз 'нас самих', ваннапалйос-ыз 'жителей верхнего конца улицы', Кобы пийос-ыз 'сыновей Кобы'* (Атаманов 1981 : 52, 54, 55)); кукум. *-đz* (*ад'амиос-ъз 'людей', д'юрт'гос-ъз 'дома, подворья', д'юс'ос-ъз 'русских'* (Кельмаков 1992а : 108, 117)); круф. *-đž* (< *-đz*) (*вал'лош-ъж лукта-нь 'поить лошадей', милэм-ъж 'нас', тилэд-ъж 'вас', шоош-ъж 'их', ачмэм-ъж 'нас самих'* (Насибуллин 1978 : 96, 98, 99)) и т.д. (об этом также: Тепляшина 1975а).⁶

1.4.1.1.2. Компаратив имен прилагательных и отдельных разрядов наречий выражается в удмуртском литературном языке (и большинстве диалектов) с помощью морфем *-ges* и *-get* (последняя редко): удм. лит. *жуужыт-гес* (*жуужыт-гем*) 'выше, более высокий', *ческыт-гес* (*ческыт-гем*) 'вкуснее, более вкусный; слаще, более сладкий' и т.д. В отдельных говорах обнаружен семантически тождественный, но ни этимологически, ни фонетически не связанный с ними суф-

⁶ Диал. *-tj/-dj* // *-jz* восходят, вероятно, к прапермскому периоду. Об этом свидетельствуют материалы родственного коми языка, в котором наряду с общераспространенным и литературным суффиксом аккумулятива *-es* (~ удм. *-jz*) (*руч'ос 'лису' и ручьяс-ос 'лис* (акк.)) в отдельных диалектах зафиксированы морфемы, соответствующие удм. *-tj*, *-dj* и др., напр., уд. *-дö*: *пуэз-дö* 'деревья', *вальöжъез-дö* 'валежники', *ошъез-дö* 'медведей'; *тсарыд вайдöдс салдатыез-дö*, *сувтöдс часöвейез-дö* 'царь привел солдат, поставил часовых' (Сорвачева 1961 : 465); ижем. *-тö/-te*: *mijan-tö* ~ *mijan-te* 'нас', *tijan-tö* ~ *tijan-te* 'вас'; в говоре обских коми *-te*: *mijan-te* 'нас', *tijan-te* 'вас' (Серебренников 1963 : 41); варианты данной морфемы *-ды*, *-дö* отмечены и в древнепермском языке: *уз'öмйаз-ды* ~ *уз'амйаз-ды* ~ *ус'сйас-ды* 'умерших', *миан-ды* ~ *миан-дö* 'нас' (Лыткин 1952 : 106).

фикс *-žjkʷ*: нч. *kedʹi-džjk* 'белее', *górd-džjk* 'краснее', *šuldjir-džjk* 'веселее', *tröz-žык* 'больше', *čebér-žык* 'красивее', *žóг-žык* 'быстрее', *матын-žык* '(по)ближе' и т.д. (Тепляшина 1964 : 141; 1970б : 169, 184).

1.4.1.1.3. В некоторых средневосточных говорах выявлен, наряду с тремя сравнительно более распространенными в диалектах морфемами *-ales*, *-mjt* и *-pjr(jem)* (см. 1.3.1), четвертый суффикс относительно позднего происхождения — *-žožja*⁸ (не отмечен на другой территории — Keimakov, Saarinen 1984 : 111—112), который служит для выражения неполноты (меньшей степени) качества или признака предметов и сочетается лишь с прилагательными, обозначающими вкусовые качества предметов и меры длины и ширины: *шöг-дждождья* 'менее соленый', *курыд-дждождья* 'менее горький', *kužal-žožja* 'горьковатый', *вакчи-дждождья* 'менее короткий', *paškid-žožja* 'широковатый' и др. (Бушмакин 1965 : 24; 1969 : 64).

1.4.1.2. Диалектные морфемы идентичны по своему происхождению, незначительные фонетические расхождения между ними легко объяснимы действовавшими / действующими в удмуртских диалектах фонетическими законами.

1.4.1.2.1. Ярким примером для данного случая является серия именных и глагольных морфем, различающихся по диалектам употреблением гласного *j* в одних диалектах (сдз.) и *i* в других (юдз.):

а) окончание элатива — сдз. *-jś/-ǎś* // юдз. *-iś*: сев. *už-jś* (*už-ǎś*), отд. сред. *už-jś* (*už-iś*) // южн. *už-iś*, отд. сред. *už-iś* 'с работы';

б) окончание эгрессива — сдз. *-jšen/-ǎšen* // юдз. *-išen*: сев. *bakč'a-jšen* (*bakč'a-ǎšen*), отд. сред. *bakč'a-jšen* // южн., отд. сред. *bakč'a-išen* 'с огорода, от огорода, (будучи) в огороде';

в) суффикс причастия «настоящего времени» — сдз. *-jś/-ǎś* // юдз. *-iś*: сев. *mjn-jś* (*mǎn-ǎś*), отд. сред. *mjn-jś* // южн. *mjn-iś* (*mǎn-iś*), отд. сред. *mjn-iś* 'идуший, едущий';

г) показатель 1-го и 2-го лица обоих чисел настоящего времени от глаголов I спряжения — сдз. *jško/-ǎško* // юдз. *-iško*: сев. *kjl-jško* (*kǎl-ǎško*), отд. сред. *kjl-jško* // южн. *kjl-iško* (*kǎl-iško*), отд. сред. *kjl-iško* 'слышу'; сев. *kjl-jško-dj* (*kǎl-ǎško-dǎ*), отд. сред. *kjl-jško-dj* // южн. *kjl-iško-dj* (*kǎl-iško-dǎ*), отд. сред. *kjl-iško-dj* 'слышите';

д) суффикс 2-го и 3-го лица множественного числа неочевидного прошедшего времени от глаголов I спряжения — сдз. *-jll'am /-ǎll'am* // юдз. *-ill'am*: сев. *kut-jll'a-m-dj* (*kut-ǎll'a-m-dǎ*), отд. сред. *kut-jll'a-m-dj* // южн., отд. сред. *kut-ill'a-m-dj* 'вы, оказывается, поймали (схватили)'; сев. *ul-jll'a-m-(zj)* (*ul-ǎll'a-m-zǎ*), отд. сред. *ul-jll'am* // южн., отд. сред. *ul-ill'am* 'они, оказывается, жили'.

Во всех этих случаях варьирование морфем легко объяснимо: первичный гласный *j* в позиции перед палатальными согласными изменился в южной диа-

⁷ Относительно его происхождения мнения удмуртоведов расходятся. Т. И. Тепляшина возводит его к самостоятельному корню *džjk(-)*, употребительному в составе, к примеру, слов: *džikit* 'опратно, аккуратно', *džik-džik* 'аккуратно, опратно, точно, тщательно', св. *džjk* 'же, ведь', — мотивируя тем, что этот суффикс в образуемых формах, подобно энклитикам, безударен (Тепляшина 1964 : 145); по мнению С. К. Бушмакина, эта морфема могла иметь общепермское происхождение: «Этот суффикс является в коми языках основным показателем сравнительной степени. в удмуртских диалектах выступает как реликтовое явление», с утратой функции сравнительной степени перешел степенно в категорию усилительной частицы (Бушмакин 1965 : 24; 1969 : 64).

⁸ С. К. Бушмакин возводит его к форме соответственного падежа (адвербиаль) существительного *žož* (удм. лит. *žож*) 'горе, обида, недостаток', которая «выражая идею недостатка, в языке описываемых говоров используется для выражения меньшей степени или неполноты качества» (1969 : 65).

лектной зоне в *i* как в корневых, так и в суффиксальных слогах, в то время как в северной диалектной зоне он сохранился без изменения (подробнее: Кельмаков 1992б : 163—166).

1.4.1.2.2. Пролатив имен существительных (включая некоторые наречные и послеложные формы) характеризуется в диалектах исключительным многообразием фонетического оформления показателя. Так, только в ареале распространения северного наречия окончание данного падежа зафиксировано в диалектологической литературе последнего времени в следующих вариантах:

а) нч. *-t'i* ~ *-et'i* ~ *jt'i*: *ульча-т'и* ~ *ульчэ-эт'и* 'по улице', *бакча-т'и* 'по огороду', *шур-ет'и* 'по реке', *корка-т'и* 'по дому', *мугор-ыт'и-м* 'по моему телу', *та-т'и* 'здесь, по этому месту', *кыдёк-ет'и* 'поодаль, на далеком расстоянии' (Тепляшина 1970б : 163);

б) глаз. *-jet'i* ~ *-t'i* ~ *-ki*: *ча́чча-ети* ~ *ча́чча-ти* 'по лесу', *скорес-ти* ~ *скорес-ки* 'по дороге', *возьвьл-ти* ~ *возьвьл-ки* 'по лугу', *котър-ти-м* ~ *котър-ки-м* 'вокруг меня' (Лыткин, Тепляшина 1959 : 222—223);

в) сев. *-t'i* ~ *-ki* ~ *-ǎki*: *бусы-ти* ~ *бусы-ки* 'по полю', *ульча-ти* ~ *ульча-ки* 'по улице', *шур сьёр-ки* 'за рекой, по ту сторону реки', *со пал-ки* 'по той стороне', *ул-ъки* 'понизу, низко', *вьл-ъки* 'поверху, высоко' (Вахрушев 1959 : 233—234);

г) дёб. *-ǎt'i* ~ *-t'i* (*ул'ча-ът'и* ~ *ул'ча-т'и* 'по улице', *гурт-ът'и* 'по деревне' (Карпова 1990б : 67);

д) сч. *-(e)t'i* ~ *-(ǎ)t'i* ~ *-(ǎ)t'* ~ *-(e)t'* ~ *-(ǎ)ki* и др.: *šur-(e)t'i* ~ *šur-(ǎ)ki* ~ *šur-(ǎ)t'i* ~ *šur-(ǎ)t'* 'по реке', *šurjos-(ǎ)ki* ~ *šurjos-(ǎ)t'i* ~ *šurjos-ǎt'* 'по рекам', *bakč'a-et'* 'по огородам', *šures-jt'i*, *šures-ǎt'i* 'по дороге', *korka-t'i* 'по дому', *ulč'a-ki* 'по улице', *lāmā-jeki* 'по снегу', *derevnā-jt'* 'по деревне', *ullaŋ-ǎt'* 'понизу' (Карпова 1997 : 91, 89);

е) вч. *-eti* ~ *-ti*: *лымы-эти* 'по снегу', *луд-эти* 'по полю', *корка-ти* 'по дому', *лудйос-ти* 'по полям', *коркаос-ти* 'по домам', *ки-ти-с кутис* 'взял за руку' (Алашеева 1992 : 18);

ж) тыл. *-jeti* ~ *-ti*: *укно-йэтү* ~ *укно-тү* 'в окно', *бакча-етү* ~ *бакча-тү* 'по огороду', *ульча-тү* 'по улице', *скорес-тү* 'по дороге', *бус-тү* 'по полю', *город-тү* 'по городу', *луд-тү* 'по полю' (Тепляшина 1957 : 129, 132).

Варьирование показателя пролатива здесь обусловлено следующими фонетическими процессами, в сферу действия которых попала и рассматриваемая морфема:

1) сохранением / выпадением анлаутного по отношению к морфеме, но инлаутного в фонетической структуре слова гласного *e* или *i* ~ *ǎ*: *-eti* / *-jt'i* / *-ǎt'i* / *-t'i*, *-ǎki* / *-ki*, *-eti* / *-ti*;

2) спорадическим появлением неэтимологического *j* перед пролативным суффиксом на вокалический анлаут (в особенности после основ на гласный ауслаут): *-et'i* / *-jet'i*, *-eti* / *-jeti*;

3) идиолектной или междиалектной корреспонденцией гласных *e* // *i* (*ǎ*, *ǐ*) в инициали суффикса: *-et'* // *-jt'* / *-ǎt'* / *-ǎt'*, *-eti* // *-jt'i* / *-ǎt'i*;

4) сохранением велярности *t* или палатализацией его (с последующим спорадическим переходом в *k*) в позиции перед *i*: *-eti* // *-et'i* / *-ǎt'i* / *-ǎki*, *-ti* // *-t'i* / *-ki*;

5) сохранением / отпадением гласного в ауслауте искомой морфемы: *-et'i* / *-et'*, *-ǎt'i* / *-ǎt'*.

При этом уместно заметить, что все эти фонетические изменения с большей или меньшей последовательностью имеют место в самых различных диалектах и охватывают, помимо пролативного суффикса, иные служебные и корневые морфемы.

1.4.1.3. Диалектные морфемы почти совпадают по своему звуковому составу, однако фонетически одна из другой не выводятся.

1.4.1.3.1. Так, более распространенное окончание аблатива *-leś* (ср. удм. лит. *эше-лэсь* 'взять) у моего товарища', *со-лэсь* 'отнять) у него', *муртъёс-лэсь* 'попросить) у людей, у чужих') в отдельных диалектах имеет вариант с *i* или *ä*: а) кукм. *-liś* (-*үйіś*): *anaj-liś* 'у матери, от матери', *korka-liś* ~ *korka-үйіś* 'у дома, от дома' (Кельмаков 1969а : 269—270);

б) шошм. *-үйіś* (-*niś*): *nññ-wuc'* 'у собаки (отнять что-либо)', *чññ-wuc'* 'у жеребенка', *кññ-niś* [э: *кññ-niś*] 'у змеи (взять что-ниб.)', *nññ-w-niś* 'у доски' (Тепляшина 1964 : 132, 137), *aśime-үйіś nimmes* 'наше имя' (Kel'makov, Saarinen 1994 : 290);

в) бавл. *-liś* ~ *-leś*: *atai-liś* 'у (от) отца', *näläz-liś* 'у дочери своей', *so-liś* 'у него' (Тараканов 1960 : 133), *skal gon-liś* 'из коровьей шерсти', *tabej-liś* 'из пшеницы' (Kel'makov, Saarinen 1994 : 314) ~ *agajez-leś* 'у старшего брата', *veraškññ kuskemzñ-leś azlo* 'прежде чем они начали разговаривать', *duam saldat-leś* 'спросил у солдата' (Тараканов 1959 : 47, 48), *kure-leś* 'у курицы', *atas-leś* 'у петуха' (Kel'makov, Saarinen 1994 : 322);

г) бес. *-liś* (-*liś*) ~ *-läś*: *lud-liś* 'от поля, у поля', *šon-liś so nomre no ez aśśə* 'из-за дыма он ничего не видел', *kalok-liś* 'от людей, у людей', *brate-liś* 'от моего брата, у моего брата', *so-liś* 'от него, у него' (Тепляшина 1970а : 170, 171, 127), *aśme-liś* 'у нас (взять), от нас', *adami-liś* 'у человека, от человека' (Тепляшина 1975б : 564) ~ *бигэр-льс'* 'от татарина', *война кучикэм-льс'* *йал'логэз вэл со* 'это случилось еще до начала войны' (Федотов 1982 : 117, 118).

Варианты морфемы аблатива на *-i-* закономерно выводимы из более раннего **-liś* (ср. бес. *-льс'*, коми лит. *-лыс'*), однако взаимоотношение «алломорфов» на *-i-* (< *-ä-*) и *-e-* нельзя объяснить, исходя из закономерных фонетических переходов, т.е. возводя *i* (*-liś*) к более раннему *e* (*-leś*), как предполагает И. В. Тараканов.⁹

1.4.1.3.2. Аналогично фонетически не возводимы друг к другу и суффиксы деепричастия со значением времени сев. (за исключением нижнечепецкого диалекта), частично сред. *-ku* // южн. *-ki/-kî/-kä*, бес. *-kä*, отд. сред. *-ki*:

а) *-ku*: (сев.) глаз. *-ку* (*изъ-ку* 'во время сна', *пърь-ку* 'при входе', *вить-ку* 'при ожидании') (Лыткин, Тепляшина 1959 : 223); сч. *-ku* (*adzä-kü-mä* 'когда видим', *уашкэ-ку-з* 'спускаясь') (Карпова 1997 : 155);

б) *-ki/-kî/-kî*: (южн.) кркм. *-kä/-kî/-ki* (*мън-кь-м* ~ *мънй-кй-м* ~ *мымы-кы-м* 'когда я шел', *ужа-кь-з* ~ *ужа-кй-з* 'когда он работал') (Кельмаков 1977 : 51); сю. *-ki* (*мын-кы* 'когда идешь; во время хождения') (Архипов 1981 : 9); кизн. *-ki* (*бэргы-кы* 'когда я возвращался', *вэтлы-кы-м* 'когда я ходил') (Загуляева 1982 : 6); кукм. *-kä* (*tatsə löktə-kə* 'при прибытии сюда', *voźta-kə-з* 'когда он сторожил', *төпө-кө--зə* 'когда они ехали') (Кельмаков 1969а : 412); круф. *-кь* (*ми вэрас'кь-кь-мъ*, *тон кушпамъ къл эн тйй* 'когда мы разговариваем, ты не вмешивайся') (Насибуллин 1978 : 101); (сред.) виж. *-ki* (*вурь-кы* 'в процессе шитья', *кырза-кы* 'в процессе пения, во время пения', *лыдзы-кы* 'в процессе

⁹ Согласно его мнению, алломорф показателя аблатива на *e* (*-leś*) первичен, появление варианта *-liś* объясняется так: «Перед *ś* замене подвергается также (помимо *j* — В. К.) переднеязычный негубной гласный *e*, переходя в *i*. Чаше всего такой звукопереход наблюдается в аффиксе разделительного (ablativus) падежа и реже — в корнях» (в подтверждение последней части положения приводится лишь одно слово: *liša* (вместо *leša*) 'кажется') (Тараканов 1960 : 133). Весьма затруднительно разделить это мнение по той причине, что *i* в данном случае (в морфеме *-liś*) является скорее историческим репрезентантом *j* (праудм. **-liś*), нежели *e*; а *j* не возводим к первичному *e*.

чтения, во время чтения' и т.д. (Тепляшина 1973 : 208)); клм. *-ki* (*ližžji-ki* 'читая, во время чтения', *djšečki-ki* 'во время учебы', *ara-ki* 'во время жатвы' (Загуляева 1980 : 109)); св. *-ki* (*djšetki-ki* 'учась, во время учебы', *izučat'j-ki* 'изучая, в процессе изучения, во время изучения' (Бушмакин 1969 : 69)); (сев.) нч. *-кы* (*ужа-кы* 'во время работы, в процессе работы', *пыласькы-кы* 'во время купания' (Тепляшина 1970б : 182)); бес. *-кə* (*kuten vetlə-kə* 'когда ходили в лаптях', *Karəs bertə-kə-m* 'когда я возвращался из Глазова', *koško-kə-zə* 'при их отправлении', *vulo pumit' tobə-kə-z* 'когда она поднимается против течения', *bertə-kə-zə* 'когда они возвращались домой' (Тепляшина 1970а : 261, 267, 276, 279));

в) *-kij* ~ *-ku*: (сред.) ув. *-kij* ~ *-ku* (*vetli-kij* ~ *vetli-ku* 'käies, käimise ajal', *uža-kij* ~ *uža-ku* 'töötades, töö ajal' (Tarakanov 1963 : 198; см. также Зверева 1982 : 61)); (сев.) вчЮ *-ку* ~ *-kij* (*мыны-ку* ~ *мыны-кы* 'когда идешь', *ужа-ку* ~ *ужа-кы* 'во время работы' (Каракулов 1982 : 107)).

Правда, форма суффикса *-ku* вторична, возникла на базе *-ki*, но не по законам исторической фонетики, а по аналогии с вопросительным местоименным наречием *ku?* 'когда?' — *вэты-кы* 'во время хождения, ходя' (> *вэты-ку*) (Бубрих 1948 : 70; Перевощиков 1959 : 70; Серебренников 1963 : 302).

1.4.1.3.3. Компаративные суффиксы *-ges* и *-get* (см. 1.4.1.2) при всей их формальной близости фонетически также не выводимы друг из друга.

1.4.2. Морфологические средства разного порядка или же морфологические средства (в одних диалектах) и синтаксические (в других).

1.4.2.1. Для обозначения приблизительно-местных отношений ниже-чепецкий и среднечепецкий диалекты северного наречия и бесермянское наречие выработали серию падежных форм с элементом *ń* (см. также 1.1б), которым в других диалектах (верхнечепецком диалекте северного наречия, срединных говорах и южном наречии) соответствуют сочетания существительного или некоторых местоимений с послелогоми, образованными при помощи соответствующих падежных формантов от субстантивных основ *dor* и *diń* со значением 'место около (подле, возле) кого-чего-либо' (причем послелоги от второй основы имеют распространение преимущественно в северных и некоторых срединных говорах):

а) (инессив на *-in* + *ń* > *-ńin*): нч. *ńilj-ńin*, сч. *ńilj-ńin*, *nālā-ńān*, бес. *nālā-ńān* 'находиться) у моей дочери дочери, в доме моей дочери, в семье моей дочери' // вч. *ńilj dińin*, сред. *ńilj dorin* ~ *ńilj dińin*, южн. *ńilj dorin*, *nālā dorān*;

б) (иллатив на *-e* (*-j*) + *ń* > *-ńe*): нч. *ńilj-ńe*, сч. *ńilj-ńe*, *nālā-ńā*, бес. *nālā-ńā* 'идти, направиться) к моей дочери дочери, в дом моей дочери, в семью (к семье) моей дочери' // вч. *ńilj dińe*, сред. *ńilj dorj* ~ *ńilj dińe*, южн. *ńilj dorj* (*dore*), *nālā dorā* (*dore*);

в) (элатив на *-ijs* + *ń* > *-ńijs*): нч. *ńilj-ńijs*, сч. *ńilj-ńijs*, *nālā-ńās*, бес. *nālā-ńās* 'уйти) от моей дочери дочери, из дома моей дочери, из (от) семьи моей дочери' // вч. *ńilj dińijs*, сред. *ńilj dorijs* ~ *ńilj dińijs*, южн. *ńilj doriś*, *nālā doriś*;

г) (эгрессив на *-iśen* + *ń* > *-ńiśen*): нч. *ńilj-ńiśen*, сч. *ńilj-ńiśen*, *nālā-ńāśen*, бес. *nālā-ńāśen* 'от моей дочери дочери, из дома моей дочери, от семьи моей дочери, (будучи) у моей дочери (в ее семье, доме)' // вч. *ńilj dińiśen*, сред. *ńilj doriśen* ~ *ńilj dińiśen*, южн. *ńilj doriśen*, *nālā doriśen* (подробнее см. Тепляшина 1981; Кельмаков 1995).

В данном случае диалекты дифференцируются по использованию специфических морфем (падежных формантов) в одних диалектах и функционально соответствующих им служебных слов (послелогов) в других, т.е. в

качестве различительных признаков на морфологическом уровне выступают разнородные морфологические единицы.

1.4.2.2. Для образования имен существительных со значением 'место совершения действия' в отдельных диалектах (сев., сред., бт., татш.) возникли специфические суффиксы, присоединяемые к отглагольному имени на *-(o)n*: а) *-ñi*: нч. *ужан-ни* 'место работы', *турнан-ни* 'место косьбы', *дышескон-ни* 'место учебы', т.е. место, где учатся — 'школа', *лёгон-ни* 'ступенька', *йыр чышкон-ни* 'парикмахерская' (Тепляшина 1970б : 168); дёб. *ужан'-ни* 'место работы', *турнан'-ни* 'место косьбы' (Карпова 1990б : 68); сев. *сиськон-ни* 'место, где едят', столовая', *миськон-ни* 'место, где стирают, место стирки; прачечная', *пльаськон-ни* 'место, где купаются, моются; купальня', *кут-саськон-ни* 'место, где молотят; молотильня' (Вахрушев 1959 : 235); сч. *uloñ-ñi* 'место жительства', *šutetskoñ-ñi* 'место отдыха', *vožmaškoñ-ñi* 'место охраны; сторожка', *keļoñ-ñi* 'место для новечки', *šudoñ-ñi* 'игрище' (Карпова 1997 : 99); бес. *-ñi*: *d'iš ošoñ-ñi* 'вешалка', *zag kiškañ-ñi* 'свалка; место, где выбрасывают мусор' (Тепляшина 1970а : 177—178);

б) *-ti*: клм. *vetlon-ti* 'место ходьбы', *užan-ti* 'место работы', *vuriškon-ti* 'мастерская, т.е. место, где шьют' (Загуляева 1980 : 106); ув. *ужан-ти* 'место работы', *кўачкон-ти* 'место, где сушат (зерно)' (Зверева 1982 : 63); св. (як.-бод., виш.) *užan-ti* 'место работы, рабочее место', *turnan-ti* 'покос; участок, отведенный или предназначенный для косьбы' (Бушмакин 1969 : 61); бт., татш. *užan-ti* 'työpaikka', *ve'lon-ti* 'kulkupaikka', *aran-ti* 'elonkorjuupaikka', татш. *уаšкон-ти* 'место (для) спуска' (Kel'makov, Saarinen 1994 : 107, 346);

в) *-ni*: св. (сосн., шарк.) *vjžon-ni* 'брод, место перехода (через реку, болото, трясины)', *кўаšтон-ni* 'место, где что-то сушат; территория, предназначенная для осушения' (Бушмакин 1969 : 61).

Остальные удмуртские диалекты, за исключением перечисленных, для выражения того же значения (место совершения действия) нуждаются в синтаксической конструкции — в определительном словосочетании «отглагольное имя на *-(o)n* + определяемое слово *intj* (*intš*) или *mesta* 'место'»: южн. *aran intj*, *aran intš*, некоторые сев., сред. *aran mesta* 'место жатвы', *ulon intj*, *ulon intš*, некоторые сев., сред. *ulon mesta* 'место жительства' и т.д.

1.5. Своеобразной чертой языков агглютинативного строя является плеонастическое сочетание морфем для усиления одного и того же значения. В удмуртской диалектной морфологии этот различительный тип употребляется в нескольких вариантах.

1.5.1. Редупликация суффикса в одних диалектах при отсутствии таковой в других. В частности, в говорах северного наречия нередко удваиваются суффиксы многократного вида *-lla*, что не встречается в южноудмуртских диалектах: нч. *кора-лля-лля-ны* 'рубить', *ужа-лля-лля-ны* 'работать', *пыра-лля-лля-ны* 'заходить', *пота-лля-лля-ны* 'выходить' (Тепляшина 1970б : 180); *vera-lla-lla-nš* 'говорить (неоднократно)', *gožja-lla-lla-nš* 'писать (неоднократно)' (Карпова 1997 : 150).

1.5.2. Сочетание суффиксов различной формы и различного происхождения, но с тождественным значением.

1.5.2.1. Аккузатив множественного числа местоимений 1-го и 2-го лица выражается в северном наречии суффиксом *-dĵ* (*mil'em-dĵ* 'нас', *til'ed-dĵ* 'вас'), в южном — *-jz* (*mil'em-jz*, *til'ed-jz*), а в отдельных срединных и северных го-

ворах зафиксированы два вида плеонастического сочетания этих суффиксов: а) $-d\dot{z} + -jz > -d\dot{z}s \sim -d\dot{z}z$: вижСМ *mil'em-d\dot{z}s*, *tiled-d\dot{z}s* ~ св., клм. *mil'em-d\dot{z}z*, *tiled-d\dot{z}z* (Бушмакин 1969 : 61; Загуляева 1980 : 107);

б) $-jz + -tj > -jstj$ ($-\hat{a}st\hat{a}$, $-\hat{a}zt\hat{a}$) ~ $-estj/-est\hat{a}$: глаз. *милем-ъсть*, *тилед-ъсть* (Лыткин, Тепляшина 1959 : 224), сев. *милем-ъзть*, *тилед-ъзть* (Вахрушев 1959 : 237) ~ дёб. *mil'em-estj*, *tiled-estj* (Карпова 1990а : 102), *mil'em-est\hat{a}*, *tiled-est\hat{a}* (Карпова 1997 : 119).

Кстати, составные суффиксы аккузатива $-estj$ или $-esjz/-es\hat{a}z$ (в последнем случае имеем дело с редупликацией — сочетанием двух вариантов одной и той же морфемы) не совсем чужды как для литературного языка (хотя этого грамматисты, как правило, не отмечают), так и для отдельных южных говоров: удм. лит. *вань-м-есты* ~ *вань-м-есыз* 'всех нас', *вань-д-эсты* ~ *вань-д-эсыз* 'всех вас', *вань-з-эсты* ~ *вань-з-эсыз* 'всех их'; кукм. *ko-t'ku'-m-es\hat{a}z* 'каждого из нас', *ko-t'ku'-d-es\hat{a}z* 'каждого из вас', *ko-t'ku'-z-es\hat{a}z* 'каждого из них', *ni-nokiñ-d-es\hat{a}z* 'никого из вас', *o'-z-es\hat{a}z* 'ни одного из них' ($-m-$, $-d-$, $-z-$ — притяжательные суффиксы).

1.5.2.2. В отдельных срединных говорах и северных диалектах распространены различные комбинации плеонастического сочетания двух синонимичных компаративных суффиксов из трех — $-ges$, $-gem$ и $\check{z}ik$: св. *векчи-гээзгэм* 'гораздо тоньше, еще более тонкий', *шуж-гээзгэм* 'еще более некрасивый', *čurid-gezgem* 'тверже; более, чем просто тверже', *žog-gezgem* 'более, чем обычно, быстрее', *чебер-гезжык* 'гораздо красивее, чем обычно; более, чем красивее', *bažžin-gezžik* 'более взрослый (большой)' (Бушмакин 1965 : 23—24; 1969 : 63—64); нч. *čeber-gézdžik* 'более красивее', *vil'-gémžik* 'более новее', *džužitjosinž-gézdžik* '(с) еще более высокими', *čeberjosžleš-gémžik* 'от еще более красивых' (Тепляшина 1964 : 143—144); сч. *gord-gešgem* 'краснее', *peči-gemges* 'помладше', *bjrat'tosj peljš kara-kt'erenž žec'-gemges Seniamj* 'из братьев характером лучше Сеня' (Карпова 1993 : 65; 1997 : 108).

1.5.3. Контаминация двух суффиксов различного происхождения и возникновение на этой основе третьего. Типичным примером здесь является северноудмуртский деепричастный суффикс $-\check{c}\acute{o}z$ ($-\acute{c}\acute{o}z$): дёб. *гъръ-ччоз* 'до вспашки', *мадь-ччоз* 'до исполнения песни', *кутскъ-ччоз* 'до начала' (Карпова 1990б : 72), сч. *ul\hat{a}-ččoz-at* 'пока я живу', *vi\hat{a}-ččoz-at* 'прежде чем добраться мне', *vetl\hat{a}-ččoz* 'чем ходить' (Карпова 1997 : 108, 155), нч. *пересьмы-чозь* 'до старости, в процессе старения', *вераськы-чозь* 'в процессе разговора', *зоры-чозь* 'во время дождя, пока идет дождь' (Тепляшина 1970б : 182), оформившийся на базе двух различных суффиксов с тем же значением, имеющих различное происхождение и разные ареалы распространения:

а) $-toz$ ($-to\check{z}$, $-to\acute{c}$, $-to\acute{s}$): вч. *гыры-тоз* (наряду с *гыры-ччож*) 'пока пашешь' (Алашеева 1982 : 93), кркм. *лътъ-тоз* 'до прихода' (Кельмаков 1977 : 51), круф. *тон тәмәк кышкъ-тоз*, *мон ужмә бттти* 'пока ты курил, я закончил работу' (Насибуллин 1978 : 101); ув. *leštj-todž* 'ehitamiseni' (Tarakanov 1963 : 192), виж. *ужа-тоз* 'в процессе работы, в течение работы', *малпа-тоз* 'в процессе обдумывания' (Тепляшина 1973 : 202), тыл. *гыр-тоз* 'до пахоты', *кич-тоз* 'до посева', *шунты-тоз* 'пока не подогрели, до того как они подогревали', *берты-тоз* 'пока они не вернулись' (Тепляшина 1957 : 131, 134); кукм. *sakto-toš* 'до рассвета', *šundə pukšə-toš* 'до захода солнца, пока солнце не село', *žor višo-toš*, *pod med višož* 'чем болеть голове, лучше пусть ноги болят' (Кельмаков 1969а : 413), *muzjet vile ūšj-toš-az* 'пока он на землю не упадет', *žigariž bjmi-toš* '(он) пока не обессилел' (Kelmakov, Saarinen 1994 : 290, 296);

б) $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}} \sim \text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$: вч. *вйт'ы-й'ч'ож* ~ *вйт'ы-тоз'* 'пока ждешь', *вэтлы-й'ч'ож* ~ *вэтлы-тоз'* 'пока ходишь' (Алашеева 1982 : 93); бт. *к'д'ар'а'ж'о'с'и' б'й'ри-й'ч'о'з'* 'пока голос мой не пропадет', *й'с'ет' й'ш'у'л'е' п'й'ри-й'ч'о'з'* 'пока в черную землю не войду' (Kelmakov, Saarinen 1994 : 328).

При образовании сев. $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$ путем контаминации $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}^{10}$ и $\text{-}to\acute{\text{z}}$ инициальная часть формировалась на базе суффикса $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$, а финальная — на основе $\text{-}to\acute{\text{z}}$ (> $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$); палатализация анлаутных аффрикат произошла позднее в результате регрессивной дистантной ассимиляции по палатальности с ауслаутным $\text{-}\acute{\text{z}}$. Что касается палатального анлаута деепричастного суффикса $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$ в буйско-таныйском и татышлинском говорах, то он появился относительно поздно (у независимо от сев. $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$) под влиянием регрессивной диссимиляции с последующим $\acute{\text{z}}$ (ср. праудм. $\text{-}\acute{\text{c}}\acute{\text{c}}\acute{\text{o}}\acute{\text{z}}$ > бт. *й'с'е'з'*, татш. *й'с'о'з'*, кукм. *й'с'о'з' \sim й'т'о'з'* 'утка' и др.).

2. Различия в семантической структуре грамматических категорий.

Различия между удмуртскими диалектами существуют, разумеется, но, к сожалению, этим вопросам в исследованиях по удмуртской диалектологии уделено еще явно не достаточно внимания. Остановлюсь лишь на особенностях употребления отдельных падежных форм, которые при общеудмуртском инварианте функций в отдельных диалектах имеют некоторые отклонения в значениях.

2.1. В бесермянском наречии аблативная форма имеет причинное значение, не характерное для других диалектов, например, *й'ш'ен-ли'с' со' ном'ре' по' е'з' а'з'з'е'* 'из-за дыма он ничего не видел' (Тепляшина 1970а : 171).

2.2. В нижнечепецком говоре форма эггессива может употребляться и в элативной функции: *Ми' Чола-ысен' лыктэм' муртъ'ес'* 'мы люди, прибывшие из Круглова'; *Москва-ысен-а' тй' лыктэмын?* 'из Москвы ли вы приехали?' (Тепляшина 1970б : 167). Это явление не совсем чуждо и для среднечепецкого диалекта и бесермянского наречия: сч. *кал' гин'е' ул'ча-й'сен' п'й'ри'* 'только что с улицы зашел [я]' (Карпова 1997 : 89), бес. *ка'р-о'сен' л'окт'е'но'* 'приехать из города' (Тепляшина 1970а : 172).

2.3. Для определения предмета по материалу, из которого он сделан, в одних говорах употребляется элатив, в других же эта функция закреплена за аблативом: (элатив) вч. *пласт'ил'ин-ыс'* 'из пластилина', *пу-ыс'* 'из дерева' (Алашеева 1992 : 17); клм. *лудке'ч' л'э'стем' корка' пу-й'с', но'ш' ж'и'ч'и' й'е-й'с'* 'заяц сделал дом из дерева, а лиса из льда', *дом' л'э'сто' кор'й'с'* 'дом строят из бревен', *п'й'з'-й'с' н'ан' п'й'зо'* 'из муки пекут хлеб' (Загуляева 1980 : 105) ~ (аблатив) нч. *кы'зы'пу-л'э'сь' л'э'сь'тэмын' тй'рны'д'* 'из березы сделано топориче', *пу-л'э'сь' пу'ны'ы'* 'деревянная ложка' (Тепляшина 1970б : 167); бес. *г'ордк'у'ш'ман-ли'с' в'он'огред' каро'* 'из свеклы деляют винегрет' (Тепляшина 1970а : 171); круф. *кло'пок-л'э'с' ку'ы'ло' тй'рп'ли' с'ит'са'* 'из хлопка ткнут различные ткани' (Насибуллин 1978 : 96). Наряду с этим в красноуфимском говоре зафиксирован уникальный случай употребления в данной функции формы пролатива: *пиз'-ти' н'ан' п'ж'им'* 'из муки испекли мы хлеб' (Насибуллин 1978 : 96).

¹⁰ Этот деепричастный суффикс исторически восходит к самостоятельному слову — послелого *čoz(e)* (коми *t'sgž(ɛn)*), употребляющемуся в удмуртском языке как в пространным значении (*турынэз кускын чож* 'трава-то по пояс, трава-то до пояса'), так и во временном (*ар чоже* 'в течение года'). Общепермский корень — удм. *čoz* ~ коми *čoz* — с определенной долей сомнения сопоставляется с фин. *hetki* 'Weile, Weilchen, Stunde, Augenblick, Moment', мордМ, мордЭ *ška* 'Zeit' и др. и возводится к финно-пермскому периоду (UEW 620).

2.4. Пролатив в некоторых диалектах, помимо названной, выполняет и другие, обычно не свойственные для него, функции: *круф.* *шо Кар-ти Ъктиж* 'он вернулся из города Красноуфимска' (вместо элатива) (Насибуллин 1978 : 96), *сч.* *derev'na-jt' umoj veralo* 'в деревне хорошо говорят' (вместо инессива) (Карпова 1997 : 89).

2.5. В одних говорах (преимущественно южных) для выражения целевой функции специализирован датив (кукм. *vu-lš potiz* 'он вышел за водой'; *бес. traktoren paršpi-lə monizə* 'они на тракторе поехали за поросятами' (Тепляшина 1970а : 171)), в то время как в других диалектах датив такой функции не имеет — для выражения цели, мотива действия употребляется конструкция имени с послелогом *ponna* 'за, для, ради' (*сч. pu ponna soos kal' koški-zā čaččaje* 'за дровами они сейчас уехали в лес', *riañ ponna Vešjakeriš kišnomurt tatsj tuball'az* 'за хлебом женщина [из деревни] Весьякар сюда ходила (букв. поднималась)' (Карпова 1997 : 89).

Здесь приведены лишь единичные примеры для иллюстрации различий в семантическом наполнении одних и тех же падежей в разных диалектах. Более детальное изучение семантики различных грамматических категорий и форм позволит полнее охарактеризовать каждый диалект со стороны морфологии и четче дифференцировать их.

3. Изыскания в этой области по другим финно-угорским и нефинно-угорским языкам, типологически сходным и несходным, позволят выявить в формировании структурно-территориальной вариативности морфологии каждого из языков как элементы универсальности, так и специфические явления.

Сокращения

Коми язык: *ижем.* — ижемский диалект; *уд.* — удорский диалект; **удмуртский язык:** *бавл.* — бавлинский говор южного наречия; *бес.* — бесермянское наречие; *бт.* — буйско-таньпский говор южного наречия; *виж.* — верхнеижские срединные говоры; *вижСМ* — верхнеижский говор д. Старые Мартьяны Завьяловского района Удмуртской Республики; *виш.* — вишурский говор (один из св.); *вч.* — верхнечепецкий диалект северного наречия; *вчЮ* — верхнечепецкий говор с. Юски Кезского района Удмуртской Республики; *глаз.* — глазовский диалект северного наречия; *грах.* — граховские говоры южного наречия; *дѣб.* — дѣбинский говор северного наречия; *кизн.* — кизнерский говор южного наречия; *клм.* — прикильмезские срединные говоры; *кркм.* — кыркмасские говоры южного наречия; *круф.* — красноуфимский говор южного наречия; *кукм.* — кукморский говор южного наречия; *нч.* — нижнечепецкий диалект северного наречия; *св.* — средневосточные говоры; *сдз.* — северная диалектная зона; *сев.* — северное наречие; *сосн.* — сосновский говор (один из св.); *сред.* — срединные говоры; *сч.* — среднечепецкий диалект северного наречия; *сю.* — средне-южный диалект южного наречия; *татш.* — татышлинский говор южного наречия; *тыл.* — тыловый говор северного наречия; *ув.* — увинско-завожская группа срединных говоров; *шарк.* — шарканский говор (один из св.); *шошм.* — шошминский говор южного наречия; *юдз.* — южная диалектная зона; *южн.* — южное наречие; *як.-бод.* — якшур-бодьинский говор (один из св.).

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А. 1982, Верхнечепецкие говоры I. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 91—105.
 — 1992, Пространственные падежи северноудмуртского наречия (На материале верхнечепецкого говора) — Пермистика 3. Диалекты и история пермских языков. Сборник статей, Сыктывкар, 16—19.

- Архипов Г. А. 1978, Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Сборник статей и материалов, Ижевск, 3—46.
- 1981, Среднеюркинский говор I. — Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи, Ижевск, 5—44.
- Атаманов М. Г. 1981, Граховские говоры южноудмуртского наречия. — Материалы по удмуртской диалектологии. Образцы речи, Ижевск, 45—96.
- Бубрих Д. В. 1948, Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком), Ижевск.
- Бушмакин С. К. 1965, Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средневожжских говорах удмуртского языка. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы докладов и сообщений, Сыктывкар, 23—25.
- 1969, Морфологические особенности средневожжских говоров удмуртского языка. — СФУ V, 59—69.
- Вахрушев В. М. 1959, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдмНИИ, вып. 19, 228—241.
- Загуляева Б. Ш. 1980, Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка. — FU 6, 103—110.
- 1982, Говоры удмуртов Кизнерского района I. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 5—27.
- Зерева Л. Е. 1982, Говоры Увинского и Вавожского районов. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 60—72.
- Каракулов Б. И. 1982, Говор села Юски. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 106—115.
- Карпова Л. Л. 1990а, Особенности употребления некоторых местоимений в дёбинском говоре удмуртского языка. — FU 17, 101—106.
- 1990б, О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора. — Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Сборник статей, Ижевск, 66—84.
- 1993, Синтаксические функции и степени сравнения имен прилагательных в среднечепецких говорах удмуртского языка. — *Minor Uralic Languages and Their Contacts*, Tartu, 62—69.
- 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Тарту (*Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis* 2).
- Кельмаков В. К. 1969а, Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс., Москва.
- 1969б, Некоторые особенности словообразования имен прилагательных в кукморском диалекте удмуртского языка. — СФУ V, 133—140.
- 1977, Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия I. — Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск, 26—61.
- 1992а, Говор кукморских удмуртов в образцах речи. — В. К. Кельмаков, Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах, Ижевск, 108—158.
- 1992б, О взаимосвязях фонем *ы* и *и* в удмуртских диалектах. — В. К. Кельмаков, Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах, Ижевск, 158—168.
- 1995, К вопросу о лексико-семантическом разряде лица/нелица имен существительных в удмуртских диалектах. — Вестник Удмуртского университета, № 5, Ижевск 13—19.
- Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь, Москва.
- Лыткин В. И., Тепляшина Т. И. 1959, Некоторые особенности глазовского диалекта. — ЗУдмНИИ, вып. 19, 218—227.
- Насибуллин Р. Ш. 1973, Закамские говоры удмуртского языка. Автореферат канд. дисс., Тарту.
- 1978, Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов. — О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Сборник статей и материалов, Ижевск, 86—151.
- Первошиков П. Н. 1959, Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке, Ижевск.
- Серебrennikov Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Сорвачева В. А. 1961, Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка. — ССКЗД, 456—489.

- Т а р а к а н о в И. В. 1959, Образцы урсыгуртской речи удмуртского языка. — TRÜT 77, 45—55.
- 1960, Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта). — ККИУ, 117—153.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1957, Фонетическая характеристика тыловайского говора. — ЗУдмНИИ, вып. 18, 114—140.
- 1964, О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах. — Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология, Москва—Ленинград, 136—145.
- 1970а, Язык бесермян, Москва.
- 1970б, Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия. — ЗУдмНИИ, вып. 21. Филология, 156—196.
- 1973, Заметки по верхнеижским удмуртским говорам. — Вопросы удмуртского языкознания, вып. 2. Сборник статей и материалов, Ижевск, 196—223.
- 1975а, Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах. — СФУ XI, 179—185.
- 1975б, Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян. — CIFU III, 562—567.
- 1981, О новых удмуртских падежах. — CIFU V, Pars VI. Dissertationes sectionum. Phonologica et morphologica, syntactica et semantica, 285—292.
- Ф е д о т о в М. И. 1982, Ворцинский говор бесермянского наречия. — Образцы речи удмуртского языка, Ижевск, 116—130.
- K e l m a k o v, V., S a a r i n e n, S. 1994, Udmurtin murteet, Turku—Iževsk.
- Т а г а к а н о в, I. 1963, Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned. — ESA IX, 188—202.
- W i c h m a n n, Y. 1901, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen, Helsingfors.

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

DIE MORPHOLOGISCHEN UNTERSCHIEDE IN DEN UDMURTISCHEN DIALEKTEN UND IHRE TYPEN

Der morphologische Aufbau der udmurtischen Dialektsprache ist im Unterschied zum phonetischen System durch eine relative Einheit auf dem ganzen Territorium seiner Verbreitung und seines Funktionierens charakterisiert. Dialektunterschiede in der Morphologie gibt es aber trotzdem. Dies betrifft weniger die Zusammensetzung und das Wesen der grammatischen Kategorien (obwohl man das auch nicht ganz unberücksichtigt lassen kann), sondern vielmehr ihre Ausdrucksformen und grammatischen Bedeutungen.

Im Artikel versucht man die ganze Vielfalt der besonderen morphologischen Unterschiede in den udmurtischen Dialekten zu einigen Typen zusammenzufassen. Solche Typen kann es auch in anderen Sprache, in den genetisch verwandten oder nicht verwandten, in typologisch ähnlichen oder nicht ähnlichen Sprachen geben.